

Ланской Андрей

27.07.06

газета
2006-24
изд. 18-с 18

Граф вернулся

Андрей Ланской (1902–1976) в Музее личных коллекций

Сергей Сафонов

Во второй половине лета стало окончательно ясно, что Пушкинский музей работает теперь с каким-то французским акцентом. Во-первых, в главном здании демонстрируется выставка старых французских афиш и плакатов. Во-вторых, уже не раз анонсировалось, что в первых числах августа картины импрессионистов и их предшественников переедут в прежнее здание Музея личных коллекций, ознаменовав этим начало публичной деятельности нового музейного отдела, который станет именоваться Галереей искусства стран Европы и Америки. И наконец, в новом МЛК на этой неделе открылась выставка Андрея Михайловича Ланского — графа, эмигранта и художника, чья биография также связана с Францией. Его прах покоится на знаменитом русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, по соседству с прахом предыдущего экспоната МЛК Сержа (Сергея Ивановича) Шаршуна.

О возрастающем интересе московских собирателей, дилеров и музейщиков к персонажам российской художественной эмиграции начала XX столетия, даже второстепенным, «Газета» рассказывала читателям еще несколько лет назад, когда на антикварных салонах в ЦДХ стало заметным присутствие произведений выходцев из России, доживавших свой век в Европе. Процесс, можно сказать, объективный: по мере перераспределения более «ранних» ценностей рынок старого искусства оскудевает и потребность в его наполнении толкает всех к нему причастных на поиски незаслуженно забытых имен. Речь не только об абсолютном художественном качестве заново открыва-

емых живописных и графических работ, но и о том, что судьбы людей определенного поколения идеально наложились на уникальные обстоятельства выпавшего им времени и хронологию художественных поисков, свойственных арт-ситуации вековой давности. Уверен, что вернисаж нынешней выставки Ланского в стенах МЛК посетит не меньше десятка замечательных художников из числа наших современников. Увы, залог их будущей известности кроется не только в достоинствах создаваемых ими нынче произведений, но и в том, насколько массовым и всеобъемлющим окажется интерес к художественным обстоятельствам начала XXI столетия.

Но вернемся к Ланскому, представленному в этот раз несколькими ранними — довоенными — фигуративными холстами, написанными шпателем абстракциями, а также заполонившими все свободное пространство третьего этажа малоинтересными гуашевыми шрифтовыми композициями по мотивам Книги Бытия, выполненными в начале 1960-х годов. Почти ровесник века, будущий живописец появился на свет в 1902 году в Москве. С шести лет он жил в Петербурге, где воспитывался в Пажеском корпусе. После всех революций Ланской оказался в Киеве — там он посещал мастерскую «амазонки русского авангарда» Александры Экстер; его юношеские акварели и гуаши не сохранились. В 1919-м, отложив в сторону кисти и краски, Андрей Ланской добровольцем ушел в Белую армию, через год оказался в Константинополе, а через пару лет — во французской столице. Строго говоря, только тогда и началась его профессиональная карьера: Монпарнас как среда обитания подталкивал учиться

Композиция на желтом фоне. 1960

живописи, и Ланской решил посещать музеи, брать уроки у «мирискусника» Сергея Судейкина, заниматься в академии Гранд Шомьер. Первая групповая выставка выходцев из России с его участием называлась «Удар» и открылась в 1923 году.

К сожалению, работ этого периода на выставке в ГМИИ имени А.С. Пушкина нет, разве что «Натюрморт. Цветы. Фрукты» (около 1927–1928) и «Кафе» того же времени. Приходится довольствоваться лежащими в витринах репродукциями, напечатанными на страницах пухлых томов, что все чаще посвящены феномену российско-французского искусства вековой давности. Но ведь и претензий по поводу неполного представления Ланского всерьез не выскажешь: в конце концов, чудом является уже то, что хоть какие-то вещи из его наследия уцелели и теперь вернулись на родину.